

ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ

ДАЧНЫЙ РОМАН

РАССКАЗ

— Пап, где у нас ведро с червями? — донеслось с соседнего дачного участка.

— Какая проза жизни! — недовольно произнёс Эдуард Евгеньевич и закрыл створки окна террасы, на которой расположился с неизменным ноутбуком, чтобы писать очередное, как он полагал, нетленное произведение русской литературы.

В это время яркая молния прорезала небо, словно хотела разделить его надвое, а затем прогремел страшный раскат запоздавшего грома. Эдуард Евгеньевич выглянул в окно и увидел, как огромная свинцовая туча грозно нависла над всем дачным кооперативом. Казалось, она вот-вот ляжет на крыши домов и прижмёт их к земле, коснётся налитыми водой крыльями кустов и деревьев, прольётся мощным ливнем. Но, странное дело, в террасе было очень светло. Оказывается, солнце, спустившееся за долгий летний день к самому краю земли, умудрилось найти прореху в мрачной, тяжёлой туче и теперь окрасило её восточный край парчовыми бликами.

“А не пора ли пить чай? — подумал писатель. — Где там наша снюшенька?”

— Лизонька! — крикнул он. — Пора чаёвничать!

На террасу вошла девушка лет двадцати пяти с красивым выразительным лицом и точёной фигуркой. В руках у неё был поднос с чашками, чайником и домашним вареньем.

МАСЛОВ Валерий Яковлевич родом из Тульской области, из города Донского. Из семьи рабочих. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию. Работал управляющим в совхозе, был спецкором газеты “Коммунар”. С 1994 года — директор Тульского областного фонда поддержки творческой интеллигенции. Известен как прозаик, автор большого числа книг современной актуальной прозы. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Туле.

— Попробуйте клубничное, Эдуард Евгеньевич: сама варила.

— Вернее будет сказать: земляничное, Лизонька, — поправил сноху теть. — В культуре человек возделывает землянику.

— Так она в лесу растёт. А на дачах сажают клубнику. Викторией называют.

— “Виктория” — это всего лишь название одного из бесчисленных сортов земляники. А также “Фестивальная”, “Солнечная”, “Гигантская” et cetera, et cetera...

— Всё-то вы знаете! А можно мне с вами чай попить? Владик вечно в своём бизнесе, про меня совсем забыл! Вот говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Но он вовсе на вас не похож!

— Ой ли? Если ты судишь обо мне и сыне только по тому, как и что мы говорим, то глубоко ошибаешься: человек и его слова живут врозь, — воскликнул Эдуард Евгеньевич и внимательно посмотрел на сноху: мужчина, особенно творческий человек, всегда интересуется женщиной, которая его хвалит и слушает.

Он вдруг обнаружил, что девушка очень хороша собой: тонкая талия, стройные, загорелые, гладкие ноги, нежная полновесная грудь, обтянутая лёгким платьицем... к тому же Лиза, оказывается, очень похожа на его первую институтскую любовь! Возможно, эти открытия Эдуард Евгеньевич сделал только сейчас оттого, что они впервые всей семьёй проводили лето на даче: расслабляющая истома и ничегонеделанье жарких вечеров, ошеломляющий, осязаемо плотный запах цветущих трав и кустарников, шашлыки и обильные возлияния способны разбудить любое дремлющее чувство.

— Не в этом суть: с вами интересно, а с Вадиком буднично и серо, словно живёшь в позолоченной клетке.

— Но, но! — шутливо погрозил Эдуард Евгеньевич снохе. — Всё-таки он мне — сын!

В это время у ворот дачи раздался звук подъехавшего автомобиля.

— Иди, встречай, — сказал писатель. — И будь с ним, пожалуйста, по-ласковой.

Лиза, как показалось хозяину дачи, с неохотой поднялась из-за стола, где они так весело и непринуждённо беседовали, и неторопливо пошла к воротам.

Писатель задумчиво посмотрел вслед уходящей Лизе и вдруг громко воскликнул:

— Вот он — сюжет, которого так не хватало в моей повести! Герой видит в жене сына давнюю любовь! Та же внешность, черты характера! Слово и не было двадцати прошедших лет: он — зрелый, состоявшийся человек, а его пассия всё так же молода и привлекательна. “Мне потребовалась целая жизнь, чтобы понять, что я люблю тебя...”. — Нет, пошло! А, может быть, так?.. Гениально!

Эдуард Евгеньевич склонился над ноутбуком и стал быстро набирать текст, которому, по его мнению, предстояло стать бессмертным.

Молодые супруги уже давно лежали в постели, а сон к Вадиму так и не пришёл.

— Ты меня больше не любишь? — неожиданно, глухим от волнения голосом спросил он жену.

— С чего ты взял, Вадик?..

— Чувствую. Кто у тебя есть ещё?

— Я люблю только тебя. Но ты не маленький и должен понимать: из всех вечных вещей любовь длится короче всего.

Вадим резко повернулся к жене, схватил её за голову и попытался посмотреть прямо в глаза. Но Лиза увернулась. Затем холодно чмокнула его в лоб и сказала:

— Поздно, пора спать. Тебе завтра рано на работу.

Утро выдалось чудесным. Ласковое солнышко приятно грело землю, и воздух был напоён ароматами цветущих трав. Птицы, хоть и поумерили

в июне певчий запал, продолжали радовать душу бесконечными трелями. А сплошные заросли зелени вокруг дома радовали душу спокойствием и умиротворённостью, которой никогда не испытаешь в душном, пропылённом летнем городе.

Как всякий настоящий художник слова, а он всерьёз считал себя таковым, Эдуард Евгеньевич любил природу в её первозданности. Поэтому за небольшим, тщательно подстриженным по настоянию сына газоном находилась девственная чаща. Огромные лопухи привольно раскинули почти метровые листья, крапива устремила жгучие стебли вверх, а небольшой островок зарослей иван-чая радовал глаз лиловыми и сиреневыми кипарисовыми соцветиями. В такие утренние часы ему всегда хорошо работалось. Он был “жаворонком” и предпочитал “творить” с утра. Но только расположился за ноутбуком, как в кабинет вошла Лиза.

— Я вам кофе принесла, — приветливо произнесла она, ставя на стол поднос.

— О, напиток богов! — радостно ответил писатель. — Все мои герои постоянно пьют кофе и находят в этом большое удовольствие. Как говорится, трудно устоять перед женщиной, которая приносит тебе кофе в постель. Шучу...

Лиза пытливо посмотрела на Эдуарда Евгеньевича, но с разочарованием отвела взгляд: он, действительно, шутил.

— Вы сегодня в хорошем настроении!

— Да, это верно. И причина тому — ты.

— Я? — не поверила Лиза. Затем, помедлив, кокетливо раздвинула края ворота платья, чтобы сильнее обозначить грудь, и наклонилась над сидящим за столом писателем, словно собралась придвинуть ему чашку с кофе.

— Ты меня неверно поняла, — мельком взглянул на её прелести Эдуард Евгеньевич. — Просто наш вчерашний разговор подкинул мне отличный сюжетный ход для романа. Впрочем, не будем пока говорить об этом...

Лиза резко выпрямилась и задела рукой чашку с кофе. Коричневый напиток растёкся по столу, попал на клавиатуру ноутбука и рубашку Эдуарда Евгеньевича.

— Что ты наделала! — закричал рассерженный служитель муз. — Если он сгорит, то всё пропало!

— Что сгорит и что пропало, папа?

— Мой новый гениальный роман! Я даже не успел сделать запасную копию на флэшку!

— А я думала, что сгорит новая любовь, — иронично заметила Лиза. — Снимите рубашку, Эдуард Евгеньевич, я отстираю пятна от кофе.

Он одним движением смахнул с себя белоснежную, а теперь не очень, сорочку. Лиза невольно залюбовалась обнажённым мускулистым торсом ещё достаточно молодого мужчины. Затем взяла салфетку. — Давайте, промокните кофейные пятна с тела: нельзя портить такой красивый загар...

— Я не помешаю? — раздался насмешливый голос сына.

Эдуард Евгеньевич вздрогнул, а Лиза отпрянула от него так резко, что чуть не упала.

— Лиза, собирайся. Мы переезжаем на городскую квартиру.

.....

Полуденное лето морило дачников невыносимой жарой, тропической духотой и ядовито-кусачими комарами. Эдуард Евгеньевич расположился в беседке под могучей лиственницей, которая веерными ветвями с изумрудно-зелёными иголками благополучно спасала творца от этих напастей. Писатель решал и никак не мог решить один очень важный вопрос...

— Съесть мне заломной сельди под водочку с томатным соком или нет? — проговорил он велух и поглядел на мгновенно запотевший графинчик с горячительным напитком, вынутый из холодильника. — С одной стороны, пить в такую жару вроде бы даже пошло... С другой, — зачем отказывать себе в удовольствии? Ведь жизнь — это мгновение (кто это сказал?). Завтра Господь может и не дать выпить.

“Конечно; мне только сорок пять, — продолжил он размышления. — Следовательно — прошла всего половина жизни... Я, как говорится, мужчина в самом соку. Не зря же и Лизка на меня заглядывается...”

— Дзинь, динь! — раздалась трель вызова домофона.

— Кого это нелёгкая принесла? Выпить нельзя спокойно, не то что роман написать!

— Это я!.. — раздался нежный и очень многообещающий голосок в динамике. — Владик ключ от дачи забрал, вот и приходится звонить, чтоб открыл.

“Незванная гостья? — с сомнением подумал писатель и нажал кнопку открытия калитки. — Впрочем, Лизка хоть компанию составит: пить одному — это нонсенс!”

— Приехала ягод набрать, — объяснила неожиданный визит сноха, потом кокетливо улыбнулась. — Можно, я кофточку сниму — такая жара, что даже собственная кожа кажется тяжёлой...

Эдуард Евгеньевич посмотрел на грудь Лизы, чуть прикрытую модным открытым и даже почти прозрачным лифчиком, и невольно даже облизнулся. Молодая, гладкая, без единой морщинки кожа девушки завораживала, притягивала взгляд, настойчиво приглашала прикоснуться к ней, погладить, поласкать...

Писатель мотнул головой, словно отталкивая назойливое наваждение, и показал на графинчик с водкой.

— Я решил проверить китайскую мудрость: можно ли подобное побороть подобным, то есть жару — горячительным напитком. Составишь компанию?

Лиза кивнула, и хозяин дачи налил в хрустальные фужеры водки, затем добавил томатного сока. Они молча выпили и почти одновременно поставили на стол фужеры, не прикоснувшись к закуске. Закуска тут была уже не нужна...

— Воркуете, голубки? — неожиданно раздался голос Вадима. — И даже водку хлещете?.. Народ для разврата готов?

— Вадик, опомнись! — тихо произнёс отец. — Что ты говоришь?!

— Лизка — домой! — скомандовал муж. — Вот тебе ключи от машины, и чтобы ждала меня там, потаскуха!

Молодая женщина покорно взяла ключи и пошла к воротам дачи, не поднимая головы. Вадим тяжело опустился на стул, плеснул в фужер водки и с размаха опрокинул его содержимое в рот. Затем внимательно, с каким-то особым выражением посмотрел на отца, быстро вынул из кармана брюк увесистый пистолет с воронёным стволом и направил его на Евгения Эдуардовича.

— Рассказывай, отец, — хрипло произнёс он. — Я всё знаю...

Эдуард Евгеньевич испугался.

— Это всё Лизка, стерва! — пролепетал он. — Ты же знаешь этих баб: если приспичит, они своего добьются... Это — наговор! Она всё врёт!..

Но Вадим вдруг опустил руку с пистолетом и медленно, чётко произнёс: “Она мне — ничего не говорила”.

Писатель вытер обильно проступивший пот и с облегчением вздохнул:

— Вот дурак! Сам на себя наговорил!

Но сын его уже не слушал: он быстро шёл к машине, в которой ожидала жена. Эдуард Евгеньевич быстро выпил полный фужер водки. Вкупе с томатным соком она сразу принесла ему чувство лёгкости и спокойствия.

“Всё образуется, — подумал он. — Главное, не паниковать: я знаю правду, а сын — нет. А предвидеть — значит, управлять!”

К удивлению Лизы, муж на этот раз не стал скандалить. Он даже не задал дурацкий вопрос о том, верна ли она ему. Женщины очень доверчивы. К тому же ей так хотелось, чтобы всё само собой образовалось, как-то рассосалось, что она поверила в то, в чём никак нельзя было быть уверенной. Правда, время от времени в голове возникал единственный вопрос, который задал Вадим: “Как ты с этим будешь жить?”. Но Лиза так упрямо отгоняла его от себя, что через некоторое время забыла о нём.

Дома Вадим лёг отдельно, на диван. Но ночью не выдержал и тихонько пробрался под одеяло к жене.

Лиза его приняла безропотно. Под влиянием пережитого, взаимных упреков и слёз они провели такую бурную ночь, словно только накануне расписались.

— Ты меня любишь? — с придыханием, тихо шептал Вадим. — Скажи: ты любишь только меня?

— Да, глупенький, да! Ну, к кому ты приревновал?! Он мне в отцы годится!

— К тому же он трусливый и ненадёжный, — радостно согласился муж. — Знаешь, как папашка мой испугался, как тебя обзывал!

— Я его не люблю, — вдруг буднично и холодно произнесла Лиза. Она встала с кровати, подошла к окну и нервно затагнулась сигаретой.

— Вот и ладненько! — сказал Вадим.

Он, видимо, так ждал этих слов, что расслабился, заулыбался, затем сладко зевнул и повернулся к стене. Через несколько минут Лиза услышала его мерное дыхание и сладкое постанывание, во сне ему наверняка снилось что-то очень приятное.

Жизнь пошла своим чередом. Вадим не мог верить своему счастью: Лиза стала такой прилежной женой, что даже завтрак подавала ему в постель. Как-то раз у него выпал напряжённый день: планировалось подписание выгодного контракта с иностранной фирмой. А затем он намеревался купить путёвки в зарубежный тур: такая красивая, умная и верная жена, как Лиза, заслужила это.

— К обеду не жди, — сказал он, уходя из дома. — Принимаю гостей из Германии. Зато вечером я буду с сюрпризом, который тебе наверняка понравится.

Он заметил, как загорелись зеленоватые глаза Лизы, и посчитал это хорошим знаком: в такие времена она становилась безумной от любви и страсти.

День у Вадима сложился удачно. Выгодный договор был подписан, билеты в заграничный тур приобретены, и он очень спешил домой, чтобы как можно раньше сделать Лизе царский подарок. Но ему предстояло завершить ещё одно дело: заехать на дачу к отцу, рассказать, как Лиза его любит, и предупредить, чтобы он больше не появлялся в их с Лизой жизни.

Вадим повернул “Лексус” на просёлочную дорогу, ведущую к даче отца. Он хотел проскочить её, как вдруг на опушке леса заметил целующуюся пару. Что-то неувлимо знакомое показалось ему в этих людях. Сердце неприятно кольнуло, а потом зануло, будто предчувствуя беду. Бизнесмен притормозил автомобиль, а затем и вовсе остановил его. Сомнений не было: обнимались и целовались отец и Лиза.

— Что ж ты творишь?! — крикнул он, не выходя из машины. — Лиза, где же любовь, в которой ты мне только что клялась?! Я же купил тебе дорогостоящий тур на Канары!

Молодая и очень красивая женщина, не оборачиваясь, проговорила:

— Лучше купи на эти деньги собаку: это единственный способ приобрести любовь за деньги.

Вадим нервно сглотнул горькую слюну, выхватил из кармана заграничные путёвки и разорвал их в клочья. Затем выбросил всё это в окно машины и резко нажал на педаль газа. Иномарка взвыла, почти став на дыбы, а затем понесла неудачливого хозяина прочь от места, где он в один миг потерял и отца, и жену...

А дачный поселок продолжал жить летней жизнью, полной внезапной страсти, быстрых любовных романов и душераздирающих интриг. Здесь было всё, что бывает в обычной жизни людей. Только зарождалось и происходило это весело, непринуждённо и легкомысленно. Здесь любящие пары жили настоящим, ибо о будущем известно только одно: хочешь насмешить Господа Бога — расскажи ему о своих планах.